

11. Sokolov O. M. Impltscitnaja morfologija russkogo glagola. Morfemika. M., 1991. 77 s.
12. Hrakovskij V. S. Kratnost' // Teorija funktsional'noj grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis. L., 1987. S. 124–152.
13. Sheljakin M. A. Kategorija vida i sposoby glagol'nogo dejstvija russkogo glagola. Tallin, 1983. 216 s.
14. Werba L. V. Izbrannye raboty po russkomu jazyku. M., 1957. 188 s.
15. Jakovlev V. I. Mnogoaktnost' kak sposob glagol'nogo dejstvija // Filol. nauki. 1975. № 3. S. 97–105.
16. Koschmieder E. Beitrage zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965. S. 19.
17. Seuren Pieter A. M. Introduction // Semantic syntax. Oxford, 1974. P. 4.
18. Whorf B. L. Language. Thought and Reality. Cambridge; N.Y., 1959. P. 88–89.

A. Г. Гурочкина

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ БИБЛЕЙСКИЕ ПРИТЧИ И РАССКАЗЫ КАК ПОЛИТКОРРЕКТНЫЙ КОМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Рассматриваются политкорректные комические тексты, созданные на базе исходных сакральных текстов — притч Нового Завета и рассказов Ветхого Завета. Исходные сакральные тексты подвергаются разнообразным трансформациям как на уровне композиции, сюжета, персонажей, так и на языковом уровне, в результате чего возникают новые художественные формы, в которых в шутливой, ироничной манере ярко демонстрируется абсурдность многих языковых инноваций и положений политкорректности.

Ключевые слова: политкорректные тексты, трансформация, притчи, сюжет, персонаж, абсурд, комический эффект.

A. Gurochkina

Politically Correct Comic Parables and Old Testament Stories

The paper deals with “politically-correct” texts based on the motifs from the Old and New Testament. It analyses the transforms of composition, subject matter and characters as well as verbal transformations. Newly-created literary forms are designed to critique certain absurdities, both linguistic and ethical, of the politically correct trend.

Keywords: “politically-correct” texts, transformation, parables, subject matter, characters, absurdity, comic effect.

Политкоммуникация представляет собой, как известно, один из важных факторов развития современного общества, определяющих тенденции его социального развития как в ближайшей и непосредственной, так и в дальней перспективе. Данный факт способствует возникновению новых технологий и новых регулятивов, каковым является появившийся в XX веке феномен политкорректности.

Изначально феномен политкорректности возникает в более зрелом в плане социаль-

ных технологий и технологий манипулирования общественным сознанием американском обществе, в котором этническое и расовое разнообразие социума сделало проблемы социальной и политической корректности особо важными, а чувствительность общества к различного рода нарушениям и отклонениям — высокой.

В 90-е годы прошлого века в США и в Европе сформировались леворадикальные движения, была создана идеологическая платформа о недопустимости ущемления

прав личности на расовых, классовых или гендерных основаниях. При этом важнейшим средством для достижения своих прагматических целей представители леворадикальных движений считали язык. Они были убеждены, что «если внести изменения в школьные программы, заставить людей отказаться от ряда выражений, воплощающих вредоносное мировоззрение доминирующих структур и заменить их другими выражениями, которые несут в себе новый взгляд на мир, ...то можно достичь великих результатов и приблизить светлое будущее» [3, с. 23]. Поэтому предлагалось реформировать язык, освобождая его от «слов-угнетателей» и ввести в обиход такие новые выражения, которые бы поднимали социальный престиж маргинальных групп, внушили их членам уверенность в своей самоценности. Однако поскольку языковая деятельность представителей политкорректного движения была продиктована не столько необходимостью расширения словаря за счет обозначения новых понятий, сколько стремлением использовать язык как орудие в политической борьбе, то большинство неологизмов оказались явно идеологически ангажированными, громоздкими по форме и концептуально расплывчатыми.

Стремительно распространившись и сыграв определенную положительную роль, движение за политическую корректность уже в конце XX века становится предметом критики. Общественность многих стран обеспокоилась практическими результатами, которых поборникам этого движения удалось достичь в сфере образования, журналистики, изобразительного искусства и т. д. Началась широкая кампания обсуждения и осуждения таких проблем движения, как, например, отказ от духовных ценностей западной цивилизации, отрицание возможности познания истины, отказ от аксиологических оценок, утверждение отклонений от традиционных канонов как выбор между одинаково законными альтернативами и т. п. Особенno много сомнений критики стали

вызывать языковые инновации этого течения, граничащие порой с абсурдом. В результате стали появляться новые художественные формы, суть которых состояла в критическом переосмыслинении языка политкорректности в комическом, сатирическом планах. К таким формам относятся, в частности, трансформированные, широко известные тексты, названные автором R. M. Walker «Politically Correct Parables»(1996) и «Politically Correct Old Testament Stories» (1997).

Термин «трансформация», как известно, стал широко использоваться в языкоznании в начале 50-х гг. прошлого века в структурной лингвистике, а несколько позже — в порождающей грамматике. Однако уже в 70–80-е гг. XX века большинство теоретических предпосылок этих направлений были подвергнуты критическому пересмотру и перестали использоваться. Тем не менее отдельные приемы трансформационной порождающей грамматики и сам термин «трансформация» вошли в лингвистический обиход и продолжают использоваться языковедами и в настоящее время.

В современном языкоznании понятие «трансформация» понимается широко — как изменение, преобразование, как один из приемов порождения вторичных языковых единиц, демонстрации лингвистических и содержательных сходств и различий между исходными и вторичными языковыми структурами. В этом значении термин трансформация используется в словообразовании, в синтаксисе, в лингвистике текста.

Трансформируя тот или иной текст, автор создает некое «вторичное образование» на базе ранее существовавшего, преобразуя форму и значение последнего таким образом, что возникает его новая версия. Основой трансформации прецедентного (исходного) текста в комическом ракурсе выступает игра авторского воображения, характеризующаяся, как и любая игра, такими моментами, как непредсказуемость, неожидан-

ность, случайность. Особенностью языковой игры как вида деятельности является то, что в ее основе лежит языковая деятельность, складывающаяся, с одной стороны, из определенного, устоявшегося, с другой, — из неопределенного, неустоявшегося, что сама эта деятельность и вводится, чтобы сместить установленные ориентиры в знаниях и предложить новые личностные представления о мире вещей.

Используя разнообразные игровые стратегии и возможности языка, автор политкорректной пародийной версии притчей и рассказов Р. М. Уолкер описывает «невозможный возможный мир», создавая одновременно иллюзию тождества с библейскими притчами и рассказами и аллюзию на реальный мир. В политкорректных притчах происходит контаминация реального и библейского, при этом между современной реальностью и описанной в библии нет четких границ, одна многократно сменяет другую. Персонажи оказываются то в древнем, библейском мире, то в современном, в зависимости от чего происходит трансформация их самих, их действий, поступков и соответственно сюжета в целом. Возникает мир перевернутый, абсурдный, «мир наизнанку» [1, с. 14].

Необычные, ненормативные, нестандартные явления создают основу для создания комического эффекта и юмористического осмысления текста.

Главная идея трансформации библейских рассказов и притч в соответствии с основными принципами политкорректности заключается не только в том, как отмечает сам автор, чтобы осмеять и тем самым показать широкой общественности абсурдность навязываемой поборниками политкорректности новой, «более просвещенной» морали, но и проиллюстрировать неуместность навязывания современных ценностей древней культуре, получившей отражение в Ветхом Завете.

Трансформация притч и рассказов в политкорректном ключе начинается уже с заглавий.

Превалирующее большинство заглавий политкорректных притч и рассказов представлено словосочетаниями, состоящими из имени нарицательного / собственного и зависимых элементов, обозначающих атрибутивный признак этого имени, то есть изменения в заглавиях в большинстве случаев связаны с заменой языковых единиц в функции определения на политкорректные слова и словосочетания различной структуры, политически и идеологически мотивированные.

Так, например, заглавие библейской притчи *«The Widow and the Unjust Judge»*: Luke 18 («Вдова и нечестивый судья») трансформируется в *«The Unintentionally Single Woman and the Insensitive Judge»* («Ненамеренно ставшая одинокой женщина и нечувствительный судья») в соответствии с политкорректным принципом реабилитации «другого».

Библейское заглавие рассказа Ветхого Завета *«The Ten Commandments»* : Exodus 19 («Десять заповедей») трансформируется в *«The Ten Suggestions»* («Десять предложений / советов»), поскольку номинация *commandment* (заповедь) имеет значение обязательного выполнения, что противоречит нормам политкорректности, поэтому эта номинация заменяется на *suggestion*, значение которой не обязывает выполнение какого-либо действия, а предоставляет адресату самому решать, следовать или нет предложению или совету.

Заглавие другого рассказа Ветхого Завета *«The First Sin»*: Genesis 3 («Первородный грех») трансформируется в *«The Original Faux Pas»* («Первый неверный шаг»), то есть в политкорректной версии используется французское заимствование *faux pas* и номинация *sin* заменяется на номинацию, имеющую менее отрицательную коннотацию.

Таким образом, заглавия политкорректных притч и рассказов структурируются по принципу затушевывания, отказа от аксиологических оценок, реабилитации моделей, осуждаемых традиционной моралью.

При трансформации сюжетного и персонального уровней притч Нового Завета и рассказов Ветхого Завета происходит «переплетение» содержания стереотипного и игрового элементов, что вызывает сбой в ожиданиях при восприятии конечного результата, становится источником возникновения новых смыслов, эмоций, приводящих к юмористическому осмыслению дискурса.

Обладая некоей совокупностью знаний о содержании и форме, реципиент, воспринимая политкорректную притчу или рассказ, осознает имеющее место несоответствие, ассоциирование двух взаимоисключающих сущностей. Для устранения «несоответствия», с целью «состыковать» ассоциированные понятия, реципиент избирает такой способ интегрирования непосредственно воспринимаемого и предшествующих схем опыта (концептуальных моделей), который не требует полной перестройки предшествующих знаний, а лишь «включения» особого модуса обработки информации, модуса, определяемого как «*fantasy-assimilation*» (как если бы) [4, с. 67].

«Сигналом» к запуску обработки информации в юмористическом ракурсе в политкорректных притчах выступают различного рода модификации сюжета, персонажей посредством намеренного разрушения языковых и стилистических норм.

В качестве примера рассмотрим политкорректную притчу «*The Negative-Attention-Getting Son*» («Привлекающий негативное внимание сын»), трансформ библейской притчи «*The Prodigal Son*» («Блудный сын»): Luke 15. С точки зрения сакрального смысла, в евангельской притче о блудном сыне повествуется о Божьем милосердии к грешнику, сознательно предавшемуся греховной, распутной жизни, наслаждавшемуся светской жизнью, но, оказавшись разоренным, этот грешник вспомнил о Боге и когда пришел к Отцу своему с раскаянием, то и такого блудного сына Бог с радостью принял и простил.

Политкорректная притча о сыне, «привлекающем негативное внимание», начинается, так же, как и в оригинале:

У одного человека было два сына. Младший из них однажды сказал, проявляя свое неуважение к отцу: «Since you don't have the courtesy to die now, I want my money anyway» (Поскольку ты не склонен проявить любезность и умереть, я все же хочу получить мои деньги) [NAGS: 10]. Чтобы угодить сыну, отец исполняет его желание, думая, что, возможно, сын станет вести морально ответственную жизнь.

Сын отправился в далекую страну и там, ведя греховную жизнь, растратил все свое состояние на оплату услуг сексуальных тружеников (*waged sex workers*), и на других лиц сомнительной морали (*persons of questionable morals*). Как и в оригинальной версии, сыну пришлось впервые в жизни заняться поисками работы. Единственное, что ему предложили, поскольку в стране был голод, быть свинопасом или компаньоном свиней (a *companion of pigs*). Он был, возможно, и согласился разделять пищу со свиньями, но вынужден был отказаться, поскольку свиньи оказались облученными (*the pigs were irradiated*). Далее сюжет политкорректной притчи не отличается от евангельской. Сын решает вернуться в отчий дом и наняться к отцу рабочим, чтобы не умереть с голоду. К его удивлению, отец с радостью принимает блудного сына и решает устроить пир в честь его возвращения. Он приказывает «порабощенным персонам» (*enslaved persons*) найти «сомнительного веса» теленка (*the weight-challenged calf*) и забить его. «*Tonight we are going to enjoy the scorched carcass of a voiceless victim!*» («Сегодня мы будем наслаждаться поджаренной тушей бессловесной жертвы») [NAGS: 13].

В это время «обладающий хронологическим преимуществом сын» (*chronologically advantaged son*) работал в поле. Услышав звуки веселья, он пошел домой. Узнав новость, «*he sulked and fumed like a pre-adult*» (он разозлился и надулся, как подросток) и

отказался заходить в дом [NAGS: 13]. Тогда отец сказал ему, что понимает его состояние как жертвы, «лишенного рассудительности» родителя (a *sobriety-deprived parent*), но он должен был как-то отпраздновать возвращение его брата. Обладающий хронологическим преимуществом сын, возмущенный поведением отца, вызвал терапевта, специализирующуюся на лечении, основанном на взаимодоверии (a *therapist specializing in co-dependency*), то есть психотерапевта, чтобы он провел сеанс терапии с отцом.

Введение в сюжет политкорректной притчи нового персонажа, представителя модной профессии в современном мире, способствует порождению мира-перевертыша, особого «антимира», в котором все иначе, — мира, вызывающего удивление, изумление, смех. Юмористическому осмыслинию притчи способствует также аномальность сюжета, его смысловая противоречивость, несовместимость тех признаков, которые приписываются персонажам и предметам, декларирование морали, отличной от издавна сложившейся в текстах данного типа.

Сюжет политкорректной притчи о царе и заимодавце *“The Nonreciprocating Enslaved Person”* («Не отвечающая взаимностью по-рабощенная персона») — трансформ евангельской притчи *“The Unforgiving Servant”*: Matthew 18 сходен с каноническим. В притче сохранена основная фабула повествования. Один человек задолжал матриарху (в политкорректной притче главенствующую роль выполняет женщина, а не мужчина) огромную сумму денег — десять тысяч талантов (a sum beyond imagining). Так как ему нечем было заплатить, то матриарх приказала продать его самого, его жену и детей и все его состояние. Должник упал на колени перед матриархом и стал просить ее: «O great matriarch ... Within time, I'll pay you back. I've already met with a financial adviser to consolidate my debts. I'll get a second job and encourage my coequal partner to resume her career now that the chil-

dren are of school age» (О, великий матриарх... В ближайшее время я верну вам долг. Я уже советовался со своим финансовым консультантом, как консолидировать мои долги. Я найду вторую работу и воодушевлю моего равноправного партнера возобновить ее карьеру теперь, когда дети достигли школьного возраста [NEP: 62]. Властительница пожалела его и простила ему долг).

Должник же, выйдя от властительницы, встретил своего друга, который должен был ему только сто динариев (1/450000 своего долга властительнице), схватил его за горло и потребовал возвратить долг. Друг, у которого всего-то была пара динаров, упал на колени и стал просить подождать с возвратом денег. Но человек, которому только что простили значительно большую сумму, не пожелал ждать и отправил его в тюрьму.

Узнав об этом, властительница, испытывающая некоторые затруднения с чувством терпения (*patience-challenged*), назвала первого должника человеком, ущербным в своем развитии (*developmentally challenged*), приказала посадить его тоже в тюрьму, пока он не выплатит весь свой долг. Должник, которому уже нечего было терять, обозвал ее, в свою очередь, империалистом-угнетателем и стал гостем в местном коррекционном учреждении (*a guest of the local correctional institution*) и сокамерником своего друга (*cellmate*).

Конец этой политкорректной притчи существенно отличается от библейской притчи. Словесные и физические испытания, которым подвергались сокамерники в исправительном учреждении, сплотили их. Они вновь стали близкими друзьями и написали книгу, в которой осуждался матриархат. Их авторский гонорар был настолько высок, что они смогли выплатить долг и вышли из исправительного учреждения колонии как свободные персоны (*nonenslaved persons*).

Комический эффект в данной притче создается, таким образом, в результате наложения противоречивых сценариев «биб-

лейский мир», ключевыми лексемами которого являются словосочетания — *matriarch, heavenly, Father*, «мир бизнеса» — *coequal partner, a financial advisor*, «преступный мир» — *correctional institution, cellmate*. Персонажи политкорректной притчи трансформированы: они обладают познаниями жизни делового мира. Побывав в тюрьме, мужчины сплотились; не потеряв деловой хватки, они написали полезную книгу, разбогатели и, в конце концов, освободились от гнета матриарха.

Как следует из приведенных фрагментов, семантическое пространство политкорректной притчи значительно расширяется за счет трансформации сюжетной линии, изменения статуса персонажей, введения реалий современного социально-политического мира. Все эти несоответствия создают комический эффект, поскольку функциональная память фиксирует определенные образы предметов, персонажей, их действий, организует их в некие системы взаимосвязей, объединяет вещи, явления определенными типами отношений и типами действий, нарушение которых порождает юмористическое восприятие и вызывает смех.

Рассказы Ветхого Завета так же, как и притчи, подвергаются разнообразным трансформациям в соответствии с принципами политической корректности. Так, например, в политкорректном рассказе «*Noah and the Gender-Equalized Flotation Device*» («Ной и сбалансированное по полу плавсредство»), трансформе евангельской притчи “*Noah and the Art*” («Ноев ковчег») [Genesis 6], так же, как и в библейском, Богу не нравится поведение людей, их отношение друг к другу, животным и растениям: «*Humans are filled with violence toward each other as well as toward botanical companions and nonhuman animals*» (Люди настроены враждебно друг к другу, так же как и к своим ботаническим компаньонам и нечеловеческим животным) [NGEFD: 25]. Единственным исключением негативного отношения Бога к людям был Ной, поскольку “*Noah was respectful of the*

rights of nonsentient entities such as rocks and driftwood» (Ной уважал права даже неживых существ, таких как камни и сплавной лес) [NGEFD: 26]. Кроме того, «*He was a coequal partner with Ms. Noah, and an affirming parent to their offspring*» (Он и его жена были равноправными партнерами, и он был настоящим родителем для их отпрысков) [NGEFD: 26]. Иными словами, «*Noah was a paragon of sensitivity and tolerance*» (Ной был образцом повышенной чувствительности и толерантности) [NGEFD: 26].

Бог решил устроить потоп, чтобы стереть с лица земли все живое, и обратился к Ною, чтобы тот построил для себя и своей семьи ковчег. Ной призвал свою семью, и они начали строить ковчег. Но их соседи возмутились: «*The neighbors objected strenuously to such a large, unsightly structure being built in a residential area. The NIMBYs brought a petition to the Canaan Planning and Zoning Commission to halt the project*» (Соседи энергично протестовали против строительства такого огромного, уродливого строения в фешенебельном жилом квартале. НИМБЫ (люди, которые в принципе не возражали против новых построек, но настойчиво протестовали, если это строение было рядом с их местом проживания) обратились с петицией в государственную организацию, с тем, чтобы остановить строительство [NGEFD: 30]. В приведенных фрагментах в качестве основы комического выступают факторы социального характера: ситуации, в которых имеют место современные институты — the Canaan Planning and Zoning Commission, ролевые и личностные характеристики участников этих ситуаций (a paragon of sensitivity and tolerance, a coequal partner NIMBYs — nimby — a person who claims to be in favour of a new development or project, but objects if it is too near their home and will disturb them in some way и др.).

Итак, в политкорректных притчах и рассказах характеристика социального действия существенно усиlena посредством введения политкорректных номинаций. Боль-

шая часть политкорректных перифраз вводит современные реалии политической жизни, тем самым наполняя евангельские притчи и рассказы противоречивыми сценариями, в результате чего древний библейский мир «переплетается» с современным миром, образуя как бы «вторую реальность», что приводит к различного рода «нестыковкам», «неожиданным эффектам», «перебоям» и соответственно — к комическому эффекту.

Юмористическое восприятие проанализированного выше рассказа обусловлено переходом сознания от «великого к мелкому», квалифицируемым психологами как «теория контраста». Так, например, Спенсер отмечает: «Когда в сознании человека совершается переход «от великого к мелкому», тогда образуется избыток «нервной энергии», которая освобождается в смехе» [2, с. 16].

С этой точки зрения интересен также нижеследующий фрагмент из политкорректного рассказа «*Abraham and Sarah: fertility-challenged*» (трансформ библейского рассказа *The «Birth of Isaac»* (Genesis 15–18):

Абраам и Сара, лишенные способности к воспроизведению потомства, предлагают Хагар, их *domestic manager* (домашнему менеджеру), то есть служанке, стать суррогатной матерью: «Sarah, being open-minded for a womyn in a patriarchal society, decided to recruit Hagar as a *surrogate mother*. ... Abraham was open to this idea, both because he wanted a child and because Hagar was fifty

years younger than Sarah. Since *fertility technology* had not advanced to the stage of *in vitro fertilization*, Abraham and Hagar practiced in Hagar fertilization (AS: 35). (Сара, будучи женщиной открытой для новых идей, решила завербовать Хагар в качестве *суррогатной матери*... Абраам приветствовал эту идею, поскольку, во-первых, он хотел ребенка, а во-вторых, поскольку Хагар была на пятьдесят лет моложе Сары. Но в связи с тем, что избранная технология была еще далека от совершенства, Абраам и Хагар использовали старый, хорошо знакомый способ.

Чувство смешного возникает в этом фрагменте в результате «взлома» норм речевого/неречевого поведения библейских персонажей.

В заключение отметим, что ведущей характеристикой политкорректных комических текстов притч Нового Завета и рассказов Ветхого Завета является игровой аспект. Моделирующая способность игровой деятельности приводит к тому, что превалирующее большинство событий в политкорректных сакральных текстах представлены в абсурдном свете вследствие «вклинивания» в текст политкорректных номинаций, современных реалий и персонажей, благодаря чему создается некое новое семантическое пространство.

Это новое семантическое пространство противоречит логике, разрушает привычные схемы и стереотипы, выстраивает в сознании новую, юмористическую картину мира.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. The Bible. Authorized Version. Oxford: University Press, 1974.
2. Walker R. M. Politically Correct Parables. Kansas City, Missouri: Andrews and McMeel, 1996. 83 p.
NAGS — The Negative-Attention-Getting Son: 3–8;
NEP — The Nonreciprocating Enslaved Person: 61–66.
3. Walker R. M. Politically Correct Old Testament Stories. Kansas City, Missouri: Andrews and McMeel, 1997. 86 p.
NGED — Noah and the Gender-Equalized Flotation Device: 25–32;
AS — Abraham and Sarah: fertility-challenged: 33–40.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.
2. Спенсер Г. Физиология смеха. СПб., 1881.
3. Berman P. Introduction: The Debate and its Origins//Debating PC. N.Y.; Deli, 1992.
4. McGhee P. On the cognitive origins of Incongruity Humor. Fantasy assimilation versus reality assimilation // The psychology of humor. N.Y.; London: Academic Press, 1972. P. 61–80.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja smehovaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1965.
2. Spenser G. Fiziologija smeha. SPb., 1881.
3. Berman P. Introduction: The Debate and its Origins//Debating PC. N.Y.; Deli, 1992.
4. McGhee P. On the cognitive origins of Incongruity Humor. Fantasy assimilation versus reality assimilation // The psychology of humor. N.Y.; London: Academic Press, 1972. P. 61–80.

В. Ю. Клейменова

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОЛШЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Рассматриваются особенности референциального пространства волшебной литературной сказки, которое характеризуется онтологической неоднородностью формирующих его объектов. Предлагается типология референциальных актов, основанная на типе литературной коммуникативной ситуации, в которой осуществляется акт референции. Формулируется тезис об универсальности механизмов референции вне зависимости от онтологического статуса денотата.

Ключевые слова: денотат, литературная коммуникация, онтологический статус референта, референциальная история, референциальное пространство, референция, цепочка коммуникации.

V. Kleimenova

Referential Space of Art Fairy Tale

The article deals with the peculiarities of art fairy tale referential space which is formed by objects of different ontology. A classification of referential acts is worked out on the basis of the types of communicative situation in which a referential act takes place. It is argued that referential mechanisms are universal and do not depend on the denotatum ontological status.

Keywords: denotatum, communication chain, literary communication, reference, referent ontological status, referential history, referential space.

Под термином «референция» в наиболее общем смысле понимается «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений/именных групп или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [2,

с. 411]. Лингвистическая теория референции рассматривает язык как связующее звено между мыслью и реальностью. Референция характеризует употребление языка говорящим и не является имманентным свойством самих выражений. Теория референ-